
ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА
ОБРАТНАЯ СТОРОНА МАЯТНИКА

Валентина Садыкова

«Обратная сторона маятника»

«Автор»
2026

Садыкова В.

«Обратная сторона маятника» / В. Садыкова — «Автор», 2026

Позднеиндустриальная эпоха, застрявшая в тупике. Здесь не используют огонь для получения энергии — вся механика, транспорт и оружие работают на акустическом резонансе и сжатом кварце. Города построены внутри гигантских каньонов, где ветер настраивают, как струны, чтобы питать городские механизмы.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Валентина Садыкова «Обратная сторона маятника»

Глава 1

Глава 1. Почерк чужой руки

Первое, что понял Артур, ещё не открыв глаз, — у него украли дыхание.

Он привык просыпаться от сухого щелчка термостата в своей квартире на девятом этаже, от далёкого гула утренней эстакады и лёгкого запаха горелого тоста, если засыпал с включённым таймером. Сейчас вместо этого в груди ворочалось что-то тяжёлое, влажное и чужое, словно лёгкие набили мокрой паклей. Каждый вдох сопровождался тонким, стеклянным перезвоном где-то под рёбрами.

Он попытался сжать пальцы, чтобы проверить, не во сне ли он, — и замер. Кожа на ладонях была грубой, пересушенной, с глубокими трещинами на сгибах фаланг, въевшейся серой пылью под ногтями и мозолью на среднем пальце правой руки. Не от лопаты и не от меча — Артур, пятнадцать лет проработавший с бумажными архивами и микроскопами в бюро экспертиз, знал эту мозоль в лицо. Так натирает кожу тяжёлое металлическое перо или стило, если писать по восемь часов в день на жёсткой поверхности.

Он открыл глаза.

Потолка не было. Над ним нависал свод из серого, слоистого камня, испещрённый тонкими медными жилками. Жилки слабо вибрировали, издавая едва слышный гул на грани ультразвука — от него ныли пломбы в зубах. Вернее, должны были ныть, но, проведя языком по десне, Артур не нащупал ни одной пломбы. Эмаль была гладкой, чуть шершавой, а слева не хватало шестого зуба.

«Контузия? Похищение? Психоз?» — привычка раскладывать хаос по полочкам сработала быстрее паники.

Он повернул голову. Комната — если можно так назвать каменный мешок три на четыре шага — была пуста, за исключением узкой лежанки, прикованного к стене табурета и низкого столика. На столике лежали три предмета: глиняная кружка с мутной водой, кусок серого, похожего на пемзу хлеба и узкая полоска желтоватого пергамента с тремя строчками угловатых символов.

В дверь снаружи ударили. Не кулаком — чем-то твёрдым и полым, отчего по каменным стенам прокатилась долгая, затухающая волна, заставившая медные жилки под потолком зазвенеть громче.

Тяжёлый засов лязгнул. Вошли двое.

Артур не стал вскакивать, изображая боевую стойку или требуя объяснений на русском — он сразу понял, что это бессмысленно. Он остался сидеть, привалившись спиной к холодной стене, и включил то единственное, что у него осталось от прошлой жизни: взгляд эксперта.

Первый вошедший был низкорослым, коренастым, в глухом сером мундире без единой пуговицы — одежда застёгивалась на ряды мелких костяных крючков. На поясе у него висел не меч и не пистолет, а странный инструмент, похожий на огромный камертон с утолщёнными концами. Второй держался чуть позади: худой, с желтоватым лицом и нервным тиком левого века, в руках он держал деревянный планшет с зажатыми в нём листами.

Коренастый шагнул вперёд, остановился в полушаге от лежанки и произнёс короткую, отрывистую фразу. Звуки были резкими, с обилием глухих согласных и странным гортанным придыханием в конце слов — словно человек говорил на выдохе, экономя воздух.

Артур молчал, глядя ему прямо в переносицу. Не в глаза (взгляд в глаза в незнакомой культуре может означать вызов), а чуть ниже, сохраняя нейтральное выражение лица.

Коренастый нахмурился, повторил фразу медленнее и ткнул пальцем в пергамент на столике.

Артур перевёл взгляд на листок. Три строчки. Чернила тёмно-бурые, почти чёрные, нанесённые неравномерно. Как лингвист-криминалист он не мог прочесть ни единого слова, но он мог прочесть *движение руки*.

Первые две строчки были написаны уверенно, с сильным нажимом в нижней части знаков — так пишет человек спокойный, привыкший отдавать распоряжения. А вот третья строчка, отделённая от первых двух широким интервалом, резко отличалась. Угол наклона знаков сместился вправо на пятнадцать градусов, нажим стал прерывистым, в двух местах перо сорвалось, оставив микроскопические брызги. Эту строчку дописывали в спешке, в состоянии сильного страха или физического истощения. И самое главное — в самом конце, вместо подписи, стоял оттиск: не печать, а след большого пальца, вдавленный в пергамент так сильно, что волокна бумаги порвались.

Того, чьё тело он сейчас занимал, заставили это подписать. Недавно. Возможно, несколько часов назад.

Худой с планшетом шагнул вперёд, протянул Артуру стило — тяжёлый бронзовый стержень с раздвоенным кончиком — и указал на пустое место внизу своего листа.

«Они хотят образец почерка. Или повторную подпись», — понял Артур.

Если он сейчас возьмёт стило и выведет кривые каракули, не зная ни алфавита, ни привычной для этого тела моторики, его либо сразу прикончат как симулянта, либо отправят в место похуже этой камеры. Но если это тело принадлежит писцу или чиновнику — у него есть мышечная память.

Артур медленно поднялся. Голова закружилась, в ушах снова зазвенело, но он удержал равновесие. Он подошёл к худому, взял бронзовое стило.

Пальцы сами легли на металл. Не так, как держал ручку сам Артур — безымянный и мизинец поджались к ладони, а большой и указательный обхватили стержень почти у самого острия, под непривычно острым углом.

Артур опустил кончик стила на лист, замер на секунду, позволяя руке вспомнить привычное движение, и расслабил кисть.

Кисть дёрнулась — резко, по-птичьи, и по желтоватому листу побежала вязь.

Артур не управлял этим движением. Он лишь следил, чтобы сознание не вмешивалось в отработанный годами автоматизм, как не вмешивается опытный пианист в работу пальцев на знакомой гамме. Бронзовый кончик с тихим, песочным скрежетом впивался в шероховатую поверхность. Знак за знаком. Размашистая вертикаль, резкий излом влево, точка под основанием, два коротких штриха на выдохе.

Он ощущал это всей рукой — странную, почти болезненную лёгкость в запястье, будто это тело писало одно и то же слово тысячи раз, день за днём, в полумраке канцелярий, при тусклом свете резонаторных ламп.

Через четыре секунды рука остановилась сама собой, чуть приподняв стило над бумагой, как это делают люди, привыкшие ставить в конце подписи росчерк, но в последний момент передумавшие.

Худой с планшетом нахмурился, поднёс лист ближе к глазам, затем медленно перевёл взгляд на пергамент, лежавший на столике. Сравнил. Коренастый в сером мундире заглянул

ему через плечо, коротко хмыкнул и что-то бросил вполголоса — в голосе не было злости, только холодное, будничное удовлетворение, с каким мясник проверяет клеймо на туше.

«Совпало, — понял Артур, чувствуя, как по спине стекает холодная капля пота. — Это было моё имя. Имя этого тела».

Но радость длилась ровно секунду. Взгляд Артура зацепился за правый край планшета, который держал худой. Там, на соседнем листе, прижатом медным зажимом, виднелась колонка цифр — не арабских, но построенных по строгой позиционной системе, с точками-разделителями и знаком в конце каждой строки, до боли напоминающим символ перечёркнутого круга. А рядом с каждой строкой стоял точно такой же размашистый росчерк, какой только что вывела его собственная рука.

Семь строк. Семь подписей. И в самом низу — жирная черта, под которой стоял отпечаток большого пальца.

«Он не просто подписал признание, — холодно осознал Артур. — Он завизировал семь документов. А потом попытался отказаться, и его заставили приложить палец».

Коренастый сделал шаг в сторону, освобождая проход к двери, и коротко кивнул на коридор. Жест не оставлял пространства для толкования: на выход.

Артур положил стило на планшет, стараясь, чтобы пальцы не дрожали, и двинулся к двери. В коридоре пахло не сыростью и плесенью, как в обычной тюрьме, а озоном, горелой слюдой и чем-то кислым, похожим на уксус, в котором травили медь. Стены здесь были выложены гладкими плитами тёмного базальта, а вдоль пола тянулись две толстые стеклянные трубы, внутри которых перекатывались мутные, светящиеся изнутри пузыри воздуха. Каждый раз, когда пузырь проходил мимо, от пола поднималась лёгкая дрожь, отдающаяся в пятках.

Их было трое: Артур, коренастый впереди и худой с планшетом позади. Никаких кандалов, никаких наручников. Здесь не боялись побега. И когда через двадцать шагов коридор оборвался, выходя на открытую галерею, Артур понял почему.

У него перехватило дыхание, а желудок неприятно подтянулся к горлу.

Они находились на отвесной стене гигантского ущелья, уходящего вниз на такую глубину, что дно тонуло в плотной, молочно-серой дымке. Противоположная стена каньона, до которой было не меньше полукилометра, вся была изъедена ярусами построек — узкими каменными террасами, мостами из витых медных тросов и башнями без окон, увенчанными огромными, похожими на раковины улиток раструбами.

Но самое страшное было в воздухе.

Между стенами ущелья, на разной высоте, были натянуты сотни тонких, почти невидимых струн. Ветер, рвавшийся из глубины каньона, ударял в них, и весь мир вокруг гудел. Это был не шум ветра и не гул толпы — это был плотный, многослойный аккорд, от которого вибрировали ресницы, пересыхало во рту и казалось, что сам воздух стал густым, как студень.

«Стеклянные Долины», — всплыло в памяти случайное словосочетание, но тут же рассыпалось, не зацепившись ни за одно воспоминание. Память хозяина тела была мертва. Остались только рефлексы, мозоли и этот проклятый, ноющий звон в левом боку.

Коренастый толкнул тяжёлую створку из матового, армированного проволокой стекла, и они вошли в зал.

Здесь звук стал другим — сухим, отрывистым, словно внутри огромного барабана. Зал напоминал помесь зала судебных заседаний и мастерской часовщика. Вдоль стен стояли шкафы с тысячами стеклянных цилиндров, в которых плавали тонкие металлические пластины. В центре возвышался полукруглый стол из чёрного камня, за которым сидели трое.

Двое по краям были одеты в такие же глухие серые мундиры, только с широкими медными наплечниками. А вот человек в центре выделялся. На нём был длинный, до пят, кафтан цвета запекшейся крови, с высоким воротником, закрывающим подбородок. Лицо его, узкое, с глубокими складками у рта, было абсолютно неподвижным, но глаза — светлые, почти бес-

цветные — впились в Артура с такой жадностью, словно перед ним стоял не мелкий чиновник, а редкое насекомое, которое чудом выжило под прессом.

Артура подвели к металлическому кругу, вмонтированному в каменный пол в трёх шагах от стола, и жестом приказали встать внутрь.

Он подчинился. Едва подошвы его грубых ботинок коснулись металла, по ногам пробежал слабый, колючий разряд — не болезненный, скорее неприятный, будто ногу отсидел. В ту же секунду из-под стола поднялся тонкий стеклянный стержень с каплевидным утолщением на конце.

Человек в красном кафтане заговорил.

Голос у него был тихим, вкрадчивым, лишённым той гортанной резкости, с какой говорили конвоиры. Он произнёс длинную фразу, явно вопросительную — интонация в конце поползла вверх, а затем резко оборвалась.

Артур смотрел на него и лихорадочно просчитывал варианты.

Молчать вечно нельзя. Если он будет стоять как истукан, его сочтут умалишённым или симулянтом — и в том, и в другом случае допрос закончится быстро и фатально. Говорить по-русски — смертный приговор сразу: в мире, где нет даже намёка на знакомую фонетику, чужая речь выдаст в нём аномалию.

Оставалось одно: болезнь. Потеря голоса.

Артур медленно поднял правую руку, приложил два пальца к горлу — туда, где при каждом вдохе слышался тот самый стеклянный перезвон, — слегка наклонил голову и чуть поморщился, имитируя резкую боль при попытке сглотнуть. Затем он открыл рот, сделал движение губами, будто пытается произнести слово, и вместо звука выпустил наружу только сиплый, свистящий выдох.

В зале повисла тишина. Настолько плотная, что стал слышен сухой шелест пергамента в руках у худого писаря.

Трое за столом переглянулись. Левый — старик с седыми, коротко остриженными висками — раздражённо стукнул костяшками пальцев по камню. Правый, помоложе, с кривым шрамом через левую бровь, наклонился к человеку в красном кафтане и быстро зашептал ему на ухо, то и дело бросая взгляды на стеклянный стержень, торчащий из-под стола.

Стержень не светился. Он оставался прозрачным и мёртвым.

Человек в красном кафтане медленно кивнул. Он сделал едва заметное движение левой кистью, и худой писарь тут же подскочил к столу, положив перед ним планшет с теми самыми семью строчками и свежепоставленной подписью Артура.

Красный кафтан взял лист, бегло пробежал глазами по строкам, затем достал из нагрудного кармана узкую металлическую пластину с прорезью посередине — что-то вроде трафарета или лупы без стекла — и приложил её к нижней части документа.

Артур замер. Он видел этот жест сотни раз — в своей, прошлой жизни. Так проверяют соосность штрихов и интервалы между знаками при графологической экспертизе.

Человек в красном кафтане смотрел через прорезь долго, не мигая. Потом медленно опустил пластину на стол, поднял бесцветные глаза на Артура и произнёс всего два слова. Тихо, чётко, разделяя каждый слог:

— *Каэль... Ворн?*

Это не был вопрос о его имени. В интонации сквозило холодное, ледяное недоумение, граничащее с подозрением. Будто человек за столом только что увидел, как мертвец, которого он лично отправил в морг, постучал в дверь изнутри.

И в этот момент стеклянный стержень, торчащий из-под стола перед Артуром, издал короткий, сухой щелчок — и внутри него вспыхнула тонкая, как волос, нить ярко-фиолетового света.

Старик слева резко вскочил, опрокинув тяжёлое кресло. Парень со шрамом схватился за огромный камертон на поясе. А человек в красном кафтане впервые за всё время изменился в лице — его тонкие губы медленно растянулись в улыбке, от которой у Артура похолодело в затылке.

Он не поверил в потерю голоса. Но фиолетовая нить в стекле сказала ему нечто куда более интересное, чем любое признание.

Глава 2. Мера тишины

Артура не вернули в каменный мешок.

Вместо этого его провели через боковую дверь в длинную, узкую галерею, застеклённую с одной стороны матовыми панелями, за которыми угадывалось бездонное серое небо каньона. Конвоир теперь был один — тот самый парень со шрамом через бровь, который в зале суда едва не выхватил свой тяжёлый камертон. Он шёл на два шага позади, не торопя и не подталкивая, но каждый раз, когда Артур замедлял шаг, у его спины раздавался тихий, предупреждающий звон — парень слегка касался ногтем зубцов своего инструмента.

«Детектор лжи, — перебирал в голове Артур, глядя себе под ноги, на гладкие плиты, отполированные тысячами подошв. — Тот стеклянный стержень у стола. Когда красный кафтан назвал имя — Каэль Ворн — внутри меня что-то дёрнулось. Не страх, а именно пустота. Ощущение, что это имя мне чужое. И прибор это считал».

Если прибор реагирует не на слова, а на внутреннее состояние — пульс, кожно-гальваническую реакцию или ту самую странную вибрацию, которая сидела у него в лёгких, — значит, молчать дальше бесполезно. Рано или поздно ему зададут вопрос, на который нельзя ответить кивком или сиплым выдохом.

Ему нужен язык. Не завтра, не через месяц — прямо сейчас, по крупицам, как на допросе с закрытыми глазами.

Они остановились перед массивной дверью из тёмного, почти чёрного дерева, окованной полосами тусклой бронзы. Парень со шрамом достал из кармана связку ключей — не привычных зубчатых, а плоских, с вырезанными по краю полукруглыми лунками, напоминающими отверстия на флейте. Он вставил один в замочную скважину, затем приложил к торцу ключа свой камертон и коротко ударил по нему костяшкой пальца.

Раздался чистый, высокий звук — примерно «ля» второй октавы. Внутри двери что-то мягко щёлкнуло, и тяжёлая створка бесшумно подалась внутрь.

«Акустические замки, — отметил Артур. — Частота вместо бородки».

Комната, в которую его ввели, была полным антиподом первой камеры. Высокий потолок, широкое окно, затянутое вместо стекла тончайшими пластинами полупрозрачной слюды, стол из светлого камня, два мягких кресла, обтянутых серой кожей, и целый стеллаж с аккуратно уложенными свитками и коробками из-под бумаги.

Парень со шрамом кивнул на одно из кресел, произнёс короткое слово — *«Сет»* — и, не дожидаясь ответа, вышел, прикрыв за собой дверь. Замок не щёлкнул. Снаружи не загремел засов.

Артур постоял секунду, прислушиваясь. За дверью не было слышно шагов. Либо стражник остался стоять прямо у порога, либо эта башня сама по себе была ловушкой, из которой не выйти без знания нужной частоты.

Он подошёл к окну. Слюдяные пластины искажали изображение, превращая противоположный склон каньона в размытую акварель из серых, охристых и грязно-медных пятен. Но даже сквозь эту муть было видно, что город живёт странной, заторможенной жизнью. По подвесным мостам двигались крошечные фигурки людей — все в одинаковой глухой одежде серых и бурых оттенков. Ни одной яркой тряпки, ни одной лошади, ни одной повозки. Лишь

изредка вдоль стен ущелья, по рельсам, уложенным прямо в скалу, скользили длинные плоские платформы без труб и упряжек, издавая при движении низкий, вибрирующий гул.

В дверь постучали. Один раз, коротко.

Артур обернулся. В комнату вошёл человек в красном кафтане. Он был один. Без писаря, без стражи, без тяжелого камертона на поясе — только узкая металлическая пластина с прорезью торчала из нагрудного кармана.

Он закрыл дверь, прошёл к столу, сел в кресло напротив и жестом указал Артуру на второе.

— *Сет*, — повторил он тем же тихим, ровным голосом.

Артур сел, стараясь держать спину прямо, а руки положить на колени так, чтобы ладони были открыты. В любой культуре открытые ладони означают отсутствие оружия и готовность слушать.

Красный кафтан положил на стол два предмета. Первым был тот самый планшет с семью строчками и подписью. Вторым — небольшой, размером с ладонь, деревянный ящик, обтянутый кожей, из крышки которого торчал точно такой же стеклянный стержень, как в зале суда.

Он положил ладонь на крышку ящика, посмотрел Артуру прямо в глаза и произнёс:

— *Ворн.*

Артур не шелохнулся. Внутри стержня на мгновение вспыхнула слабая розовая искра и тут же погасла.

Красный кафтан едва заметно кивнул, словно подтверждая собственную догадку. Затем он указал пальцем на себя и чётко проговорил:

— *Тарк. Инспектор Тарк.*

Первое слово, смысл которого был абсолютно прозрачен. Не имя даже — структура обращения. Имя собственное и должность или титул.

Затем Тарк перевёл палец на Артура, слегка прищурился и, сделав паузу, сказал:

— *Каэль Ворн.*

Артур молчал. Он знал, что стоит ему сейчас кивнуть — и стеклянный стержень на столе снова зальётся фиолетовым светом, выдавая ложь. Но если он покачает головой, он признает, что он не тот, за кого его принимают, и тогда допрос превратится в вскрытие.

Нужен был третий вариант. Правда, которая не выдаст его, но и не вызовет вспышки.

Артур медленно поднял руку, коснулся пальцами своей груди — не сердца, а именно той точки под рёбрами, где при каждом вдохе слышался тонкий стеклянный звон, — и едва заметно пожал плечами. Жест растерянности. Человека, который сам не понимает, кто он.

Стеклянный стержень остался абсолютно прозрачным. Ни единой искры.

В светлых глазах Тарка мелькнуло что-то похожее на азарт. Он наклонился вперёд, сцепив длинные, узловатые пальцы на краю стола.

— *Амнезия?* — слово прозвучало иначе, чем местная речь — мягче, с округлыми гласными, будто заимствованное из другого, более древнего языка. — *Травма? Шок?*

Он видел, что Артур не понимает слов, и перешёл на другой метод. Тарк достал из-под стола чистый лист плотной желтоватой бумаги, положил рядом бронзовое стило и пододвинул всё это к Артуру. Затем он взял свой планшет, перевернул его обратной стороной, где была нарисована грубая схема — несколько вертикальных линий, перечёркнутых горизонтальными полосами, — и ткнул пальцем в одну из точек пересечения.

— *Графен-три. Сектор нижних резонаторов.*

Артур посмотрел на схему. Вертикальные линии, горизонтальные ярусы, цифры у краёв... Это была карта города. План ярусов каньона.

Тарк перевёл палец на точку в самом низу схемы, там, где линии сходились в узкий клин, и вопросительно поднял бровь, глядя на Артура.

«Он спрашивает, где я был. Или откуда я пришёл», — понял Артур.

Он взял бронзовое стило. Пальцы снова легли на металл с пугающей, чужой лёгкостью. Артур опустил взгляд на чистый лист бумаги. Он не мог написать ни слова на местном языке, не мог назвать ни одного района города. Но у него было то, что одинаково в любой вселенной, где есть геометрия и логика.

Он прижал кончик стила к бумаге и начал чертить.

Не буквы. Он нарисовал прямоугольник — контур своей прежней комнаты. Рядом — схематичный разрез девятиэтажного дома. А сбоку от него — резкую, ломаную линию, уходящую в пустоту, и точку на самом краю, обведённую кругом.

Тарк смотрел на рисунок молча. Секунду, две, пять. Его лицо снова стало каменным, но пальцы, лежавшие на крышке деревянного ящика, медленно сжались так сильно, что побелели костяшки.

Инспектор посмотрел на схему, затем перевёл взгляд на стеклянный стержень. Стержень был чист. Ни капли лжи.

Тарк медленно протянул руку, накрыл рисунок Артура ладонью, притянул лист к себе и, глядя на него не отрываясь, произнёс всего одно слово — почти шёпотом, словно боялся, что его услышат стены:

— *Выброс.*

И в этот момент за слюдяным окном, где-то в глубине туманного ущелья, раздался звук.

Он не был похож на гул ветра в струнах. Это был низкий, утробный скрежет, от которого задрожали стёкла в шкафах, со стола соскользнуло бронзовое стило, а у Артура из носа на серый кожаный подлокотник упала первая тяжёлая, тёмно-вишнёвая капля крови.

Тарк резко вскочил, опрокинув стул, и бросился к окну.

— *Не может быть...* — выдохнул он, вжимаясь лицом в мутную слюду. — *Не в этом цикле. Ещё три дня до схождения!*

Артур вытер нос тыльной стороной ладони, глядя на тёмное пятно на коже. Кровь была густой, почти чёрной, и пахла не железом, как привычная человеческая кровь, а тем самым острым, уксусным запахом травленой меди, который он почуял в коридоре.

И самое страшное: вместе с этим низким скрежетом за окном боль в его левом боку мгновенно исчезла. Вместо неё под рёбрами вспыхнуло ровное, холодное тепло — и в голове, перекрывая гул ветра, впервые зазвучал чужой, надтреснутый голос, произнёсший на чистом, безупречном местном наречии, которое Артур внезапно понял до последнего звука:

«Если ты читаешь это, значит, я уже мёртв. Не верь человеку в красном. Он сам сломал четвёртый резонатор».

Глава 2. Мера тишины (продолжение)

Слова не звучали в ушах — они всплыли внутри черепа так же отчётливо, как всплывает в памяти строчка из давно забытого стихотворения, когда случайно заденешь нужный нерв. Вместе с фразой хлынул ледяной, обжигающий поток чужих понятий: *резонатор* — не просто машина, а живой узел из выращенного в соляных шахтах кварца; *схождение* — момент, когда ветры трёх ущелий встречаются в одной точке, сбрасывая накопленное напряжение в городские накопители; *аудитор списаний* — человек, который подписывает смертный приговор изношенному кристаллу перед тем, как его заменят.

И ещё одно, самое острое, похожее на укол иглой под ребро: *речь*. Не словари и не правила грамматики, а готовый речевой аппарат — привычка артикуляции, ощущение твёрдого нёба, положение языка на гортанных смычках. Язык Каэля Ворна проснулся в его горле, как затёкшая рука, в которую наконец пошла кровь.

Артур сжал зубы, чтобы не застонать от внезапного давления в висках, и быстро смахнул рукавом тёмную каплю с подбородка.

У окна Тарк резко обернулся. Его бесцветные глаза сузились, скользнув по окровавленной ладони Артура, затем по деревянному ящику на столе, где стеклянный стержень теперь

не вспыхивал, а тускло, тревожно тлел бледно-зелёным светом, словно уловив фоновую вибрацию самой башни.

— Ты слышал это, — не спросил, а констатировал инспектор. Он отступил от окна, положил руку на нагрудный карман, где лежал металлический трафарет, и добавил тише: — У тебя пошла медная сукровица. Такое бывает только при прямом резонансном ударе... либо когда в одном сосуде сталкиваются две частоты.

Артур промолчал, лихорадочно взвешивая каждое слово, которое теперь складывалось в голове само собой. Каэль Ворн предупредил его: *«Не верь человеку в красном. Он сам сломал четвёртый резонатор»*.

Если Тарк — саботажник или прикрывает тех, кто разрушил четвёртый узел, зачем ему вести допрос в одиночку? Зачем проверять подпись? И почему он назвал Артура словом *«Выброс»*?

В памяти Каэля всплыло значение этого термина, но оно было мутным, обрывочным — как страница, вырванная из середины справочника. *Выбросом* в Конфедерации называли не человека, а побочный продукт работы перегруженных кварцевых камер: фантомный след, эхо, которое застревает в кристаллической решётке после того, как оригинал разрушен.

«Он думает, что я — остаточный след настоящего Каэля, — похолодел Артур. — Или что в тело Ворна затянуло чужое сознание в момент аварии. И ему нужно понять, сколько во мне осталось от прежнего владельца».

— Семь актов списания, — произнёс Тарк, подходя к столу и кладя длинные пальцы на планшет. — Ты подписал их три дня назад. Вчера четвёртый узел в Графене-три лопнул. Двенадцать техников в нижнем ярусе превратились в стеклянную пыль за три секунды. А тебя нашли в шлюзовой камере без единой царапины, но с пустой головой.

Артур медленно поднял глаза. Теперь он понимал каждое слово. Понимал даже скрытую угрозу в ровном, лишенном эмоций голосе следователя. Если он сейчас заговорит слишком свободно — Тарк поймёт, что «потеря голоса» в зале суда была спектаклем. Значит, говорить нужно так, будто каждое слово даётся с трудом, как человеку после тяжёлой контузии.

Артур сглотнул, чувствуя во рту привкус уксуса и старой меди, и выдавил из себя хриплым, срывающимся голосом:

— Я... не помню... четвёртый.

Голос звучал чужим — ниже, суше, с лёгкой хрипотцой. Но гортанные звуки легли на язык без малейшего акцента. Мышечная память сработала безупречно.

Тарк замер. Его взгляд тут же упал на стеклянный стержень. Бледно-зелёное свечение внутри стекла чуть дрогнуло, но не сменилось ни фиолетовым, ни алым. Формально Артур не солгал: сам Артур Соболев действительно ничего не помнил о четвёртом узле.

— Значит, голос вернулся вместе с толчком, — тихо проговорил инспектор, и в его тоне проскользнуло холодное удовлетворение. — Хорошо. Это экономит нам время. Послушай меня внимательно, Каэль. Или тот, кто сейчас сидит за его глазами.

Тарк обошёл стол, но не сел в кресло, а остановился сбоку, глядя на Артура сверху вниз.

— Через два часа сюда прибудет комиссия Высшего Совета Каньона. Для них всё просто: аудитор Ворн проявил халатность, подписал ложные акты о пригодности четвёртого резонатора, а когда узел начал разрушаться, попытался скрыться в шлюзе. Тебя выведут на нижний мост и сбросят в туман без страховки. Это быстро и тихо.

Артур не отвёл взгляда.

— А ты? — спросил он так же медленно, проверяя границы дозволенного. — Зачем... тебе я?

Тарк едва заметно усмехнулся — только уголком рта.

— Затем, что я сам проверял четвёртый узел за неделю до тебя, Ворн. И его кварцевое ядро было абсолютно чистым. Его нельзя было довести до распада за семь дней естественным

износом. Кто-то подменил частоту на питающих струнах. А твои подписи на актах списания... — Тарк постучал ногтем по планшету, — ...были поставлены *после* того, как тебя оглушили. Я вижу срыв нажима в третьей строке. Тот, кто прижимал твою руку к пергаменту, торопился.

Артур на секунду опустил глаза, скрывая вспышку холодного расчёта.

Вот оно. Если Тарк говорит правду — значит, предупреждение Каэля в голове Артура может быть ложным. Или сам Каэль в последние секунды жизни перепутал друга с врагом, увидев красный кафтан в дыму аварии. А может быть, Тарк врёт — и сам является тем, кто подменил частоту, а теперь пытается выведать, не оставил ли Каэль компромат в архивах или у кого-то из знакомых.

Проверить это можно было только одним способом. Тем, чему Артура учили пятнадцать лет.

— Покажи, — сказал Артур, кивнув на планшет. — Семь... строк.

Тарк прищурился, секунду поколебался, затем развернул планшет к Артуру.

— Зачем? Если ты ничего не помнишь.

— Я помню... как держать стило, — ответил Артур, глядя на колонки цифр. — Рука... помнит.

И снова стеклянный стержень на столе остался спокойным. Ложь отсутствовала.

Артур наклонился над листом, вглядываясь в незнакомые, но теперь внезапно понятные символы. Цифры обозначали частотные диапазоны и плотность кристаллической решётки. Семь строк — семь контрольных замеров за последние полгода. Первые шесть были заполнены ровным, аккуратным почерком Каэля Ворна. А седьмая — та самая, с резким наклоном вправо и отпечатком пальца вместо печати — фиксировала критический износ ядра за два часа до взрыва.

Но Артур смотрел не на цифры. Он смотрел на микроскопические детали, которые не заметил бы ни один следователь этого мира без линзы.

В пятой и шестой строках знак перечёркнутого круга в конце записи был выведен одним непрерывным движением снизу вверх. В седьмой строке, там, где руку Каэля якобы вели силой, тот же знак был нарисован иначе: сначала круг, потом перечёркивающая черта сверху вниз. Человек, который фальсифицировал запись или заставлял Ворна писать под диктовку, не знал личной привычки Каэля в написании этого символа. Но это означало ещё кое-что: руку Каэля *не вели* чужой рукой. Он писал это сам — в спешке, в панике, возможно, уже задыхаясь от медной пыли, но сам. Зачем человеку в последние минуты жизни подделывать собственный автоматизм и ставить отпечаток пальца вместо подписи?

Только в одном случае: если он хотел оставить сигнал тому, кто будет проверять документ позже. Сигнал о том, что запись сделана по принуждению.

Артур медленно поднял голову и посмотрел на Тарка.

— Кто... вёл меня? — спросил он тихо. — В зале.

— Мои люди, — ответил Тарк без запинки. — Сержант Келл и писарь.

— Нет. Там... — Артур коснулся виска, изображая мучительное усилие памяти. — В камере. До того, как я очнулся. Кто-то... был в красном.

Взгляд инспектора не дрогнул, но его левая рука, лежавшая на столе, едва заметно напряглась — сухожилия на тыльной стороне ладони натянулись, как струны.

— Красный кафтан носят только старшие дознаватели Инквизиции Резонанса, — ровно произнёс Тарк. — Нас трое на весь город. Я, инспектор Вейн, который сейчас заседает в комиссии, и мастер-хранитель в верхнем ярусе. Если ты видел красный цвет перед тем, как потерять сознание... — Тарк наклонился ближе, понизив голос до шёпота, — ...значит, ты знаешь, кто подменил частоту на четвёртом узле. И почему этот кто-то решил, что тебя проще списать как виновного, чем убрать тихо.

За слюдяным окном снова прокатился низкий, тяжелый гул, но на этот раз он оборвался резким, металлическим лязгом, словно где-то в глубине ущелья лопнул стальной трос.

В ту же секунду за дверью раздался торопливый топот сапог. Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял тот самый коренастый сержант в сером мундире, тяжело дыша и сжимая в руке свой огромный камертон.

— Инспектор Тарк! — рявкнул он на выдохе. — Вторая ветка струн пошла вразнос! Комиссия требует немедленно доставить заключённого Ворна на нижний ярус для показательной казни — толпа у шлюзов начинает ломать заграждения!

Тарк выпрямился. Вся его вкрадчивая мягкость исчезла за долю секунды, сменившись ледяной, железной собранностью. Он бросил быстрый взгляд на Артура, затем на планшет со списаниями, схватил со стола деревянный ящик с детектором и сунул его под мышку.

— Задержи их на десять минут, Келл, — приказал он отрывисто. — Скажи, что заключённый даёт показания о сообщниках в верхнем ярусе. Если Вейн начнёт спорить — напомни ему, что по уставу дознание Инквизиции имеет приоритет над приговором Совета.

— Есть, господин инспектор! — сержант развернулся и бегом бросился обратно по галерее.

Когда шаги стихли, Тарк повернулся к Артуру.

— У нас нет двух часов, Ворн, — сказал он быстро, доставая из кармана связку плоских ключей с лунками. — И десяти минут тоже нет. Вейн не станет ждать — ему нужно закрыть это дело до того, как резонанс на второй ветке обрушит мосты. Если ты пойдёшь на нижний ярус, ты умрёшь. Если пойдёшь со мной — у тебя есть шанс прожить до вечера.

— Куда? — Артур уже поднимался с кресла, чувствуя, как чужое тело само подбирается, готовясь к бегу, хотя он сам ещё не решил, кому верить.

— В архив нижних шлюзов, — Тарк подошёл к противоположной стене, где за стеллажом со свитками скрывалась узкая, почти незаметная щель технической двери. — Там хранятся дубликаты частотных лент за последние три дня. Их нельзя подделать без ключа хранителя. Если мы достанем ленту четвёртого узла до того, как Вейн объявит тебя виновным, я смогу остановить казнь.

Инспектор вставил плоский ключ в скважину, ударил по нему камертоном — в воздухе прозвенела чистая, высокая нота — и толкнул дверь. За ней открывался узкий, круто уходящий вниз винтовой колодец, освещённый только тусклыми полосками светящегося мха вдоль ступеней.

Тарк шагнул на первую ступеньку и обернулся, глядя на Артура:

— Идёшь? Или предпочитаешь дождаться людей Вейна?

Артур посмотрел на открытую дверь в галерею, откуда уже доносился далёкий, нарастающий гул голосов и лязг металла, затем на тёмный провал лестницы и спокойное, непроницаемое лицо человека в красном кафтане.

В памяти снова всплыл последний обрывок мысли Каэля Ворна: *«Не верь человеку в красном»*. Но рядом с ним, на столе, всё ещё лежал планшет с седьмой строкой, где сам Каэль оставил знак принуждения. Тарк мог быть убийцей. А мог быть единственным, кто копает под убийцу.

— Иду, — сказал Артур и шагнул в темноту колодца.

Глава 3. Лента из соляного стекла

Винтовой колодец уходил вниз почти вертикально — узкие базальтовые ступени шириной едва в полторы ладони были стёрты по краям так, словно по ним спускались веками, держась за мокрую стену. Светящийся мох, уложенный в неглубокие желоба вдоль кладки, давал ровно столько сизого, болотного сияния, чтобы не оступиться в пустоту, но не позволял разглядеть, что ждёт через три пролёта.

Тарк двигался впереди с пугающей для его возраста и длинного кафтана быстротой — не бежал, а именно скользил вниз, почти не касаясь стен, перехватывая полы красной ткани левой рукой, а правой сжимая рукоять своего камертона.

Артур спускался следом, и с каждым шагом чужое тело открывало ему новые, неприятные подробности о самом себе. Колени Каэля Ворна ныли при каждом резком переносе веса, в груди снова начал нарастать тот самый стеклянный перезвон, а дыхание сбивалось быстрее, чем у самого Артура в сорок два года, несмотря на то что новому телу на вид было не больше тридцати. Чиновник. Кабинетная крыса, просидевшая лучшие годы над частотными ведомостями в сырых подвалах каньона.

— Не отставай, — бросил Тарк через плечо, не сбавляя темпа. — Если вторая ветка струн сорвётся с анкеров раньше, чем мы пройдём шестой ярус, вентиляционные заслонки захлопнутся автоматически. Нас запечатает в колодце до следующего схождения.

— Что... такое... схождение? — выдавил Артур, схватившись за скользкий выступ стены, чтобы не поскользнуться на повороте. Спрашивать было опасно: настоящий Каэль Ворн обязан был знать основы устройства города. Но если Тарк уже подозревает, что перед ним «Выброс» с выжженной памятью, притворяться всезнайкой было бы ещё глупее.

Инспектор на секунду замедлил шаг, бросив на него быстрый взгляд снизу вверх.

— Ты действительно пуст, как выдутое яйцо, — тихо проговорил он, снова поворачиваясь к ступеням. — Или играешь так чисто, что даже мой стержень не берёт. Схождение — это час, когда тёплый воздух из Соляных Низин сталкивается с ледяным потоком с Ледника Хребта. Ветер в ущелье разгоняется до предела. Все городские струны выходят на пиковую частоту, накопители заряжаются на три седмицы вперёд. Но если хотя бы один узел разрушен и не сбрасывает избыток вибрации...

— Город разорвёт, — закончил Артур.

— Не город. Мосты и верхние ярусы. Камень выдержит, а вот люди, которые окажутся в зоне резонанса без защитных контуров, рассыплются в пыль быстрее, чем успеют закрыть уши.

Колодец внезапно оборвался. Тарк упёрся плечом в низкую, обитую листовой медью дверь, ударил по замку камертоном — в узкой трубе лестницы звук ударил по перепонкам так, что у Артура перед глазами поплыли тёмные круги, — и вывалился в широкий, низкий коридор.

Здесь пахло совсем иначе, чем в башне суда. Запах озона и травленой меди сменился густым, тяжёлым ароматом соляной пыли, старой бумаги и машинного масла, пахнущего горьким миндалём. Вдоль стен тянулись ряды массивных шкафов из чёрного, пропитанного смолой дерева, скреплённых медными скобами. На каждом ящике висела глиняная бирка с вдавленными цифрами.

Архив нижних шлюзов.

Тарк тут же направился в глубь зала, сверяясь с бирками на торцах стеллажей. Артур шагнул следом, но на втором шаге споткнулся о что-то мягкое, лежавшее в тени между шкафами.

Он опустил взгляд — и желудок скрутило ледяным спазмом.

На каменном полу лежал человек в тёмно-синей робе архивариуса. Он лежал на спине, раскинув руки, но его тело выглядело так, словно кто-то вылепил его из сырого серого песка, а затем прошёлся по нему сильным ветром. Лицо, кисти рук, грудь под разорванной тканью — всё было покрыто сетью глубоких, ветвящихся трещин, из которых тонкой струйкой сыпалась мелкая, искрящаяся в свете мха стеклянная крошка. Глаза мертвеца были открыты, но вместо зрачков в глазницах белела мутная, матовая корка, похожая на застывший воск.

Артур замер, подавляя подступившую к горлу тошноту. Он видел много трупов за годы работы в криминалистике — утопленников, обгоревших, пролежавших в закрытых квартирах по два месяца. Но это не было разложением. Это была деструкция материи. Человека бук-

вально расшатали изнутри на молекулярном уровне, как хрустальный бокал, в который крикнули на его собственной резонансной частоте.

Тарк обернулся, увидел тело и застыл на месте. Его узкое лицо побледнело, складки у рта стали глубже. Он медленно подошёл, присел на корточки рядом с трупом, не касаясь его, и принюхался.

— Недавно, — прошептал инспектор. — Не больше получаса назад. Пыль ещё не осела на пол.

— Вейн? — спросил Артур, стараясь не смотреть в белые, слепые глаза мертвеца.

— Нет. У Вейна нет ручного излучателя такого класса. — Тарк встал, его взгляд метнулся к дальнему концу архива, где в полумраке тускло поблёскивали медные замки хранилища частотных лент. — Это работа кого-то из верхнего яруса. И они пришли сюда раньше нас.

Он быстрым шагом двинулся к дальнему стеллажу. Артур пошёл следом, стараясь ступать бесшумно и держаться ближе к деревянным шкафам — на случай, если в темноте между рядами всё ещё прячется тот, кто превратил архивариуса в кучу битого стекла.

В дальнем углу зала стоял массивный сейф, собранный из толстых листов тёмного сланца, стянутых бронзовыми обручами. Дверца его не была взломана — она стояла приоткрытой. Из замковой скважины торчал плоский ключ с полукруглыми лунками.

Тарк выхватил ключ, распахнул тяжёлую створку и замер.

Внутри сейфа, на бархатных ложементах, лежали десятки узких катушек, на которые были намотаны тончайшие, почти прозрачные ленты из гибкого соляного стекла, испещрённые мелкими волнистыми бороздками — словно механическая запись звука на старых валиках фонографа. Все ячейки были заполнены, кроме одной — четвёртой сверху в левом ряду. На её месте зияла пустота, а на тёмном бархате белела свежая царапина.

— Пусто, — глухо произнёс Тарк. Он медленно сжал кулак так, что затрещали суставы. — Ленту четвёртого узла забрали.

Артур подошёл ближе, заглянул через плечо инспектора в сейф, но смотрел он не на пустую ячейку. Он смотрел на ключ, который Тарк всё ещё держал в левой руке.

На широкой плоской головке ключа был выбит герб — перекрещённые камертоны над расколотым кристаллом. Точно такой же знак Артур видел на медных наплечниках судей в верхнем зале. Но не это привлекло его внимание. На самой кромке металла, рядом с первой лункой, темнела крошечная, размером с булавочную головку, капля запекшейся вишнёвой крови.

Артур поднял взгляд на инспектора. Тарк стоял вполоборота, глядя в пустую ячейку, и его правая рука, опущенная вдоль бедра, медленно перехватывала тяжёлый камертон поудобнее — не как инструмент для вскрытия замков, а как дубинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.